

тогда республиканцы. Когда готовилось восстание 31 мая, речь шла уже не о короле, нарушившем свои обещания и клятвы и призывавшем на помощь иностранцев против своего народа. Войну пришлось объявить бывшим товарищам - людям, совместно боровшимся против короля.

Иначе реакция должна была начаться уже в июне 1793 г., когда главное дело революции - разрушение феодального строя и единоличной королевской власти вовсе еще не было закончено. Республиканцам, стремившимся добиться осязательных, существенных результатов для народных масс, предстояло либо подвергнуть изгнанию республиканцев-жирондистов, которые до того времени смело шли на приступ против деспотизма, но теперь стали поперек дороги народу и говорили ему: «Дальше ты не пойдешь!», - либо поднять народ, отстранить их и, если нужно, перешагнуть даже через их трупы, чтобы закончить дело, начатое революцией.

Трагизм этого положения вполне чувствуется в памфлете Бриссо «Своим избирателям», о котором мы уже говорили.

В самом деле, нельзя читать этот памфлет, не чувствуя, что в нем ребром поставлен вопрос о жизни или смерти. Бриссо ставит свою голову на карту в своем воззвании, где настойчиво требует гильотины для тех, кого он называет анархистами. После появления таких страниц оставалось только два выхода: или «анархисты» дадут послать себя на гильотину, после чего путь будет открыт реакции, роялистам и революция закончится, не достигнув главной своей цели; или же жирондисты будут изгнаны из Конвента, и тогда им предстоит погибнуть.

Понятно, что не с легким сердцем решились «горцы» (монтаньяры) призвать себе на помощь народное восстание, чтобы заставить Конвент выкинуть из своей среды главных вожakov своего правого крыла. Больше шести месяцев они всячески пытались прийти к какому-нибудь соглашению. Дантон особенно старался найти компромисс, а Робеспьер, со своей стороны, трудился над тем, чтобы «парламентским путем» парализовать жирондистов, не прибегая против них к силе. Даже Марат укрощал свою ярость, желая избежать гражданской войны. Но таким путем удалось только замедлить явный раскол. И какой ценой! Революция была совсем приостановлена. Ничего не предпринималось, чтобы закрепить одержанные уже победы. Все жили изо дня в день.

В провинциях старый порядок сохранял еще громадную силу. Привилегированные классы только ждали момента, чтобы вновь завладеть своими имуществами и местами в правительстве и восстановить королевскую власть и феодальные права, еще не уничтоженные по закону. При первом поражении республиканских армий старый порядок неизбежно бы возвратился. На юге, на юго-западе, на западе массы крестьян все еще стояли за духовенство, за папу и через них - за короля. Правда, что значительное количество земель, отобранных у духовенства и бывших дворян, уже перешло в руки буржуазии, крупной и мелкой, а также и крестьян. Феодальные повинности не платились и не выкупались крестьянами. *Но все это было только временное положение.* А что если завтра народ, истощенный нищетой и голодом, измученный войной, вернется, усталый, разочарованный, в свои мрачные избы и городские трущобы и даст волю старому порядку, разве старый порядок не вернется, торжествующий, и не утвердится не далее, как через несколько месяцев?

В Конvente после измены Дюмуре положение стало совершенно невозможным. Чувствуя, каким пятном легла на них измена их любимого генерала, жирондисты с удвоенной яростью нападали на монтаньяров. Обвиняемые в потворстве изменнику, они ничего не придумали лучшего, как потребовать судебного преследования против Марата за воззвание, выпущенное Якобинским клубом 3 апреля, когда измена Дюмуре стала известной, и подписанное Маратом, председателем клуба в этот вечер.

Пользуясь тем, что значительное число членов Горы было в отсутствии, так как они были разосланы комиссарами к армиям и в департаменты, жирондисты потребовали от Конвента преследования против Марата, что и было разрешено 12 апреля, а потом отдали его под суд за проповедь убийства и грабежа. 13 апреля Конвент выпустил повеление об аресте Марата, принятое большинством 220 голосов против 92 из 367 присутствовавших, причем было 7 голосов за отсрочку и 48 не подававших голос.

Это выступление жирондистов кончилось, однако, полной неудачей. Народ слишком любил Марата, чтобы дать его осудить. Бедные чувствовали, что Марат заодно с народом и никогда ему не изменит. И чем более мы изучаем революцию, чем более мы знакомимся с деятельностью Марата и его пропагандой, тем более мы убеждаемся, какую ложную репутацию мрачного истребителя ему создали историки, преданные жирондистам. Факт тот, что почти всегда, с самых первых недель после созыва